

18+

Павел Лисевский

ТЕМАРКАН

КОГДА ГАСНЕТ ПЛАМЯ

Павел Лисевский

Темаркан. Том :

Когда гаснет пламя

<https://litres.ru/74265273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Огонь свечи на пыльном чердаке погас навсегда. Вместе с ним ушло последнее тепло, удерживающее двух мальчиков на краю бездны. Для наследника великого дома и мальчишки из трущоб детство закончилось в тот миг, когда телега увезла маленькое тело под грубой тканью.

Теперь их объединяет не дружба, а общая клятва. У них одна душа на двоих, и имя этой души — Мечь. Но у каждого свой метод. Путь одного — это яд холодного знания, способный разрушить систему изнутри. Путь другого — это сталь и северная стужа, смывающие боль кровью.

В мире Темаркан, где зло часто носит маску добродетели, а спасители одеты в одежды палачей, им предстоит выучить самый страшный урок. Когда гаснет пламя надежды, наступает ледяная, безжалостная ясность. И в этой ясности нет места прощению.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Пакт на пепле	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Павел Лисевский

Темаркан. Том :

Когда гаснет пламя

Пролог

В летописях Темаркана пишут о великом. О Катаклизме, расколовшем само бытие. О Войнах Теней, когда обезумевшие тираны жгли города. О героях, чьи имена высечены в граните — так высоко, что снизу не разглядеть лиц.

Летописцы верят, что историю делает грохот. Летописцы ошибаются.

Истинная история мира ткётся из тишины — из той особенной тишины, что наступает, когда обрывается одна маленькая, никем не учтённая жизнь. Мир не замечает такой тишины. И не замечает, что стал после неё другим.

Под серыми сводами, среди грязи, страха и запаха карболки, жила не великая сила. Жила тихая надежда. Она не владела магией, крушащей стены, не носила доспехов и не знала древних рун. Она была всего лишь девочкой с большими, серьёзными жёлто-зелёными глазами, в которых жила золотисто-янтарная искра.

Ни одна летопись не записала бы того, что она совершила.

А она совершила невозможное. В мире, где каждый выживает в одиночку, она создала семью — там, где семье не было места. Она умела слушать сказки так, словно от них зависела жизнь, а потом шёпотом пересказывала их своей чёрной кошке — единственному сокровищу, которое у неё было. На пыльном чердаке, при свете огарка свечи, она стала мостом между ледяным расчётом аристократа и звериной яростью дикаря: смягчала гордыню одного, укрощала гнев другого — и напоминала обоим то, чего не знает закон сильных. Что сила — это не только способность ударить. Это способность защитить.

Но Темаркан не прощает хрупкости.

В этом мире судьба редко бьёт открыто, глядя в глаза. Самый страшный удар не был нанесён ни вражеским клинком, ни кулаком палача. Он пришёл под маской милосердия. Смерть явилась не чёрной тенью на пороге — она вошла с чистыми руками и обещанием спасения. Предательство совершили не те, кто желал зла, а те, кто говорил: «Мы делаем это ради блага». Ложь, облачённая в белые одежды заботы, оказалась смертельнее любого яда. Так в Темаркане убивают чаще всего: не со зла — по заведённому порядку.

Огарок догорел. Серым утром со двора выкатилась телега, и под грубой тканью лежало то, что ещё вчера смеялось, шло-пало чужие обиды и верило в сказки со счастливым концом. Телега увезла не просто девочку. Она увезла единственное, что удерживало двух мальчиков на краю бездны, — тепло,

не дававшее их сердцам окончательно окаменеть. А чёрная тень, метнувшаяся в телегу вслед за хозяйкой, стала последним штрихом: абсолютная потеря не оставляет себе свидетелей.

Теперь чердак пуст. Книги спрятаны. Сказки закончились.

Двое оставшихся стояли у окна, за которым застыл серый двор. На стекле сам собой расцветал иней; живой цветок на подоконнике почернел и осыпался прахом. Так они узнали истину, которой не учат ни в приютах, ни в академиях: когда гаснет пламя надежды, наступает не тьма. Наступает ледяная, безжалостная ясность. В ней исчезают полутона, иллюзии — и способность прощать.

В этой ясности один разглядел яд холодного знания, чтобы стать этому миру судьёй. Другой — сталь, чтобы пустить этому миру кровь. Осталась память о тепле, которого больше никогда не будет, и урок, выжженный на двух сердцах: в мире, где зло приходит под маской спасителя, справедливость может вершить только палач.

Их выбор ещё не произнесён вслух.

Но он уже сделан.

Глава 1. Пакт на пепле

Телега уже не скрипела.

Она давно выкатилась за ворота, и серый двор за окном опустел, но скрип всё ещё жил у Вайрэка в ушах — застрял там, как заноза в ладони. Он стоял у высокого зарешеченного окна и не знал, сколько уже стоит. За стеклом холодный ветер «Багрянца» срывал с голых ветвей последние листья и швырял их в мокрое после ночного дождя стекло. «Багрянец» доживал последние дни, и низкое небо уже тяжело обещало «Дождестой». Правая ладонь всё ещё помнила этот холод — мокрый, ледяной, обжигающий.

Первым вернулся холод.

Не привычная утренняя зябкость Особого крыла, к которой притерпеваешься, как к серой каше, — настоящий холод, до ломоты в зубах. Дыхание выходило изо рта слабым паром и таяло в сером свете. На стекле возле койки Ирвуда лежала тонкая паутина инея — ровная, красивая и совершенно невозможная в конце такого сырого утра. Вайрэк смотрел на неё и не мог понять, откуда она взялась.

Потом он увидел горшок.

На подоконнике, в маленьком глиняном горшке, где ещё утром упрямо зеленел единственный на всю комнату живой цветок, не осталось даже стебля. Только земля и горстка праха — сухого, лёгкого, чёрного, как сажа. Вайрэк точно пом-

нил: утром, пока он мерил шагами комнату и ждал, цветок был жив. Он прошёл мимо него не меньше сотни раз. Когда он успел умереть? Между телегой и этой минутой не было ничего — ни дня, ни ночи. Только десять минут серого утра.

Он не нашёл ответа. Внутри было слишком тихо и слишком холодно, чтобы искать.

Ещё вчера он бы стал разбираться. Разложил бы всё по полочкам, как учил отец, как сам раскладывал на кусках мешковины: вот вопрос, вот что известно, вот что сходится. Сейчас полочек не было. Была телега, которой больше не слышно, и горстка чёрного праха там, где вчера было живое.

На своей койке в углу — одной из двух, что стояли друг напротив друга у боковых стен, — комком, под тонким серым одеялом, лежал Лео. Он не спал — слышно было, как он дышит: часто и мелко, как пойманный зверёк.

Из-под края одеяла блестел один глаз — и смотрел этот глаз не на Вайрэка и не на дверь. Он не отрывался от Ирвуда.

Ирвуд сидел на своей койке не шевелясь. На его ладонях темнели полумесяцы запёкшейся крови — там, где ногти прошли кожу насквозь. Он её не стирал. Кажется, он про неё просто не знал.

А потом Ирвуд встал.

Движение было простым и очень спокойным — и именно от этого спокойствия у Вайрэка похолодело в затылке. Рука Ирвуда сама скользнула за пояс, под простую серую рубашку, — туда, где всегда жил его обломок ножа. В сером свете

тускло блеснул заточенный кусок старого клинка без рукояти, сто раз правленный о камень и о край кровати. Ирвуд сжал его в кулаке — привычно, как берут ложку, — и пошёл к двери.

Вайрэк понял всё сразу. Не умом — умом он не успел ничего, — телом. Тело оттолкнулось от подоконника и встало между Ирвудом и дверью раньше, чем в голове появилось хоть одно слово.

— Отойди, — сказал Ирвуд.

Голос был ровный. Хуже всего, что ровный: со злостью Вайрэк умел разговаривать — злость можно переждать, как грозу. С этой ровностью разговаривать было не о чем. Она уже всё решила.

— Куда ты собрался? — спросил Вайрэк, хотя знал ответ.

— К нему.

— Ирвуд...

— Отойди.

Вайрэк не отошёл. Сердце колотилось где-то в горле, но спина выпрямилась сама — старая выучка Дома Алари, вбитая глубже страха.

— Подумай, — быстро сказал он. — Ты пройдёшь наш коридор и упрёшься в дубовую дверь. Она заперта, ключ от неё отдельный, и он у Брока. И снаружи у неё всегда стоит надзиратель. Допустим, ты и его прошёл. Дальше — прямой коридор до самого его кабинета. А у кабинета — караульная. Тебя возьмут раньше, чем ты добежишь.

— Не остановят.

— У тебя обломок ножа. У них ивовые прутья. У Брока дубинка и сапоги, подбитые железом. Их много.

— Мне хватит.

— Чего хватит?

— Одного раза.

Он сказал это так просто, что Вайрэк на секунду забыл, как дышать. В плане Ирвуда не было «потом». В нём было только дойти и ударить.

— Тебя убьют, — сказал Вайрэк.

— Пусть.

Ирвуд шагнул вперёд и взял его за плечо. Не ударил — просто отодвинул, как отодвигают стул. В этом движении было столько спокойной силы, что Вайрэк отлетел бы к стене, не ухватись он за спинку кровати. Он выровнялся и снова встал у двери. Колени дрожали.

— Ещё раз, — тихо сказал Ирвуд, — и я пойду через тебя.

Он не пугал. Улица не пугает — улица предупреждает один раз. Вайрэк знал: Ирвуд сильнее, быстрее и сейчас почти не владеет собой. И всё равно стоял. Он не смог бы объяснить это словами — знал только, что если сейчас отойдёт, то это утро заберёт у него и Ирвуда тоже.

Он лихорадочно искал слова. Правильных не было. Его учили говорить с лордами, с наставниками, со слугами — с кем угодно, кроме мальчишки с обломком ножа, которому больше нечего терять. Отец говорил: у каждого человека есть

дверь, надо только найти ручку. У Ирвуда сейчас не было двери. Была стена — и стена шла напролом. Вайрэк успел подумать — коротко и трезво, где-то на самом дне: *«Он же меня сломает и не заметит»*. И всё равно не сдвинулся с места.

И тут в ушах у него тонко зазвенело.

Звуки отступили — дыхание Лео, собственное сердце, далёкий гул приюта — всё ушло куда-то за стеклянную стену. В голове стало пусто, холодно и очень ясно. И в этой звенящей ясности мысль сложилась сама — ровная, законченная, будто он готовил её всю ночь. Вайрэк даже не удивился. Он был уверен, что просто наконец додумался.

— Убьёшь сейчас — умрёшь сам, а он, может, выживет. Нам нужно, чтобы он мучился. И чтобы мы выжили.

Ирвуд остановился.

Слова попали не в совесть — Вайрэк и не целился в совесть: до неё сейчас было не докричаться. Он целился в то, что улица вбивает раньше совести: цена и добыча. Умереть — ладно. Умереть задаром — глупо.

— Выживет? — глухо переспросил он.

— Ножом надо уметь, — сказал Вайрэк. Слова шли легко, как по льду. — Один удар, в спешке, через одежду. Его откачают. У него лекари. У него охрана. А тебя забьют прямо в коридоре. И знаешь, что будет потом? Он даже не узнает, за что ты его. Запишет в свои бумаги: *«воспитанник сошёл с ума»* — и будет жить дальше.

Лезвие в руке Ирвуда чуть опустилось.

— А ты чего хочешь? — спросил он. — Простить?

— Нет.

Это «нет» вышло у Вайрэка таким, что Лео под одеялом сжался ещё сильнее.

И тут силы кончились у обоих — сразу, одновременно, как гаснет огарок, когда воска больше нет.

Наступила тишина. Настоящая: слышно было, как мелко, со всхлипом, дышит под одеялом Лео; как скрипнула под ним кровать; как где-то далеко в коридоре простучали и стихли сапоги.

— Она... — начал Вайрэк и не смог.

Имя не выговаривалось. Оно было маленькое, всего два слога, и оба застревали в горле, как кость. Он попробовал ещё раз:

— Лэ... Лэя...

Вторая половина имени вышла шёпотом.

Ирвуд отвернулся. Резко, всем корпусом, лицом к стене. Его плечи были неподвижны — слишком неподвижны, так не бывает у живых плеч. Он не издал ни звука.

У Вайрэка в голове осталась картинка, совсем простая: Лэя гладит Ночку и улыбается — не губами, одними глазами. Он смотрел на эту картинку изнутри, пока она не стала невыносимой. Потом пришла другая: Лэя у двери, считает одними губами — «три, два, один», — и дверь за стеной скрипит точно по её счёту, и она оборачивается — страшно

довольная собой. Никто и никогда больше не будет так считать шаги надзирателей.

Вайрэк вдруг понял, чего ещё не хватает этому утру.

Ночки.

Он поймал себя на том, что ждёт: вот сейчас за решёткой мелькнёт угольно-чёрная тень, блеснут зелёные глаза — и станет хоть на волос легче. Ночка всегда появлялась бесшумно, из ниоткуда, будто умела проходить сквозь стены. И всегда находила Лэю. К ней — всегда.

Он поискал глазами чёрную тень — на мокрой вершине стены, окружавшей приют, где Ночка могла сидеть часами, у стены лазарета, на карнизе прачечной. Нигде. Двор был пуст, и стена была пуста, и серое небо над крышей — и то было пустым.

«Кошки понимают ранние людей», — сложилась в голове мысль, простая и холодная. Ночка не пришла попрощаться. Или попрощалась так, что этого никто не увидел.

За дубовой дверью крыла глухо жил приют: где-то далеко хлопнула дверь, прошаркали и стихли чьи-то ноги. Миру за дверью не было до них никакого дела.

На несколько долгих мгновений в комнате не осталось ни мести, ни планов, ни справедливости. Были просто двое детей в холодной комнате, у которых умер близкий человек. И ни один из них не умел этого вынести — потому что этому нельзя научиться ни на улице, ни в Великом Доме.

Вайрэк вдруг подумал, что надо было сказать ей что-ни-

будь там, в лазарете. Он готовил слова, пока их вели, — правильные, красивые слова, каким учат в Великих Домах. А потом увидел её лицо, белое и маленькое, совсем уже не её, — и все слова кончились. Он коснулся её щеки, и рука отдёргнулась сама: это был не холод мёртвого тела, а лёд — звенящий и почему-то полный. Ноги подлומились, и остаток отведённого времени он простоял на коленях у койки, упираясь ладонями в каменный пол, и не сказал ни слова. *«Она бы посмеялась»*, — подумал он, и от этой мысли в груди что-то разъехалось, как лёд под ногой.

Первым заговорил Ирвуд. Не поворачиваясь.

— Говори свой способ.

Вайрэк оторвался от двери. Горло всё ещё сжимало, но голова работала — холодно и чётко, как его угольные строчки формул на мешковине.

— Яд, — сказал он.

Ирвуд медленно повернулся.

— Он травил нас всех, — Вайрэк говорил медленно, выкладывая слова, как камни на весы. — Гнилым зерном. Из жадности. Ему было всё равно, кто из нас не встанет. Не встала — она. А когда её ещё можно было спасти, он сидел над своими списками и сверял печати. — Вайрэк перевёл дыхание. — Он умрёт так же, как умирала она. И будет знать, от чего.

Остальное он договорил про себя, в той же звенящей ясности: *«Его яд родился из жадности. Наш родится из зна-*

ния».

— Ты не умеешь, — сказал Ирвуд. Это не было возражением. Это была проверка.

— Научусь. Я варил противоядие для всего приюта — вместе с другими учениками, под его рукой. Никто не удивится, если я спрошу про травы и про составы. И лаборатория здесь же, в крыле. За дубовую дверь выходить не надо.

— У кого научишься?

— У Наставника Линуса.

Ирвуд скривился, и Вайрэк поднял ладонь, не давая перебить:

— Он не успел её спасти. И он это знает. Теперь он будет смотреть на нас и видеть её. Он не откажет. Не сможет. Пустит меня к книгам. К котлам. Ко всему, что нам нужно.

— А если он поймёт? — спросил Ирвуд. — Он не дурак.

— Он увидит лучшего ученика, который прячет горе в учёбу, — сказал Вайрэк. — Взрослым так спокойнее. Он сам себе это объяснит. Мне даже врать не придётся.

— Долго, — сказал Ирвуд.

— Да. Долго.

— Сколько?

— Не знаю. Столько, сколько нужно, чтобы наверняка. — Вайрэк сглотнул и загнул палец, потом второй, потом третий. — Нам надо узнать три вещи. Чем его убить, чтобы наверняка. Как сделать, чтобы он понял, что умирает. И чтобы никто не подумал на нас. Если нас поймают — всё было зря.

Мы должны выжить. Не потому что страшно. Потому что по-другому не получится.

Ирвуд долго молчал. Снаружи, где-то во дворе, хлопнула дверь, и оба вздрогнули, как от удара.

— Если ждать, — сказал он наконец, — он её забудет. Совсем.

— Пусть забудет, — сказал Вайрэк, и собственный голос показался ему чужим. — Тем страшнее будет, когда мы напомним.

Ирвуд смотрел на него не мигая, и Вайрэк заставил себя договорить до конца:

— И с этого дня мы — самые обычные. Пробьёт колокол — пойдёшь и будешь есть. Я пойду и буду есть. На занятиях я отвечаю Линусу, как всегда. Ты молчишь, как всегда. Никто не должен увидеть, что мы что-то решили. Ни Брок, ни Феодор. Никто.

— Я не умею притворяться, — сказал Ирвуд.

— Умеешь. Ты всё время молчишь. Просто молчи дальше.

Ирвуд молчал долго — видно было, как он ворочает эту мысль, тяжело, как камень. Потом коротко кивнул.

Потом его взгляд медленно, как стрелка весов, поехал в угол — туда, где под серым одеялом лежал неподвижный комок.

— А он? — спросил Ирвуд, не понижая голоса.

Комок замер совсем. Кажется, даже дышать перестал.

— Лео — не враг, — сказал Вайрэк.

— Лео — рот, — сказал Ирвуд. — Рты болтают.

— Он боится.

— Вот именно.

— Боятся — молчат. Крепче всех молчат те, кто боится.

— Вайрэк посмотрел в угол и добавил тише: — И потом... он её тоже любил.

Ирвуд ещё секунду смотрел на одеяло — тяжело, оценивающе, как смотрят на дверь, которую нечем запереть. Потом отвернулся.

— Твоя забота, — сказал он. — Твой рот — тебе и стеречь.

Что-то дрогнуло в лице Ирвуда. Он посмотрел на Вайрэка долгим, цепким взглядом — так на улице смотрят на того, кого только что перестали считать чужаком.

— Поклянись, — сказал он.

— Что?

— Поклянись, что не передумаешь. Ты умный. Умные остывают.

— Не остыну.

— Поклянись.

Вайрэк открыл рот, чтобы сказать «словом Алари», — и не сказал. Слово Алари он уже давал — сегодня, в кабинете, за её жизнь. Оно не помогло.

— Чем клясться? — спросил он.

— Не знаю. Чем не врут.

— Клянусь памятью о Лэе, — сказал Вайрэк.

Ирвуд коротко кивнул — так, будто именно этого и ждал. Потом переложил лезвие в левую руку, а правую протянул вперёд — ладонью вверх, с тёмными полумесяцами засохшей крови.

— Твоё дело — яд, — сказал он. — Моё — всё остальное. Достать. Спрятать. Прикрыть тебя, если что. Феодор — общий. Идёт?

— Идёт, — сказал Вайрэк и положил свою ладонь сверху. Ладонь Ирвуда была горячая и шершавая, его собственная — ледяная. Получилось совсем не так, как в книгах про рыцарей, — неловко, по-детски, страшно. И всерьёз.

— А если ты передумаешь? — спросил вдруг Вайрэк.

— Я? — Ирвуд усмехнулся одним углом рта, и от этой усмешки в комнате не стало теплее. — Я не умею передумывать.

Он сунул обломок ножа обратно за пояс, под рубаху, — туда, где тот жил всегда. Но не лёг — сел на свою койку у окна, спиной к стене, лицом к двери, как сторож.

Вайрэк вернулся к окну. На тумбе так и лежали куски грубой мешковины, исписанные угольком, — его формулы, которые никого не спасли. Двор был пуст, ворота закрыты, и только две грязные колеи уходили от лазарета в серую муть. За коридором, напротив их двери, была её комната. Там оставалась её соседка, которая теперь будет спать там одна. От этой мысли становилось ещё хуже. Вещи переживают лю-

дей. Это было неправильно устроено, и с этим тоже ничего нельзя было сделать. Он поймал себя на том, что смотрит не во двор, а на горшок. Чёрный прах лежал неподвижно, и от него почему-то трудно было отвести глаза. Звон в ушах медленно, нехотя стихал; вместе с ним уходила и ледяная ясность, оставляя после себя только холод и странную, ничем не заполненную тишину. Иней на стекле у койки Ирвуда уже таял — сползал мокрыми дорожками вниз, как слёзы, которых этим утром так ни у кого и не нашлось.

Потом он лёг на свою койку — поверх одеяла, не разуваясь — и стал смотреть в потолок. Спать не хотелось. Хотелось, чтобы поскорее стало завтра. Завтра, после занятий, он подойдёт к Наставнику Линусу и спросит что-нибудь простое и безобидное. Про сонные отвары, например: от горя ведь плохо спят, а взрослые любят горе, которое можно лечить по книге. Первый шаг был готов, и от этой готовности внутри не было ни тепла, ни страха — вообще ничего. *«Вот, значит, как это делается»*, — подумал он словно со стороны и сам не понял, про что подумал: про яд, про враньё или про то, как теперь живут.

А Лео видел всё.

Он понял из услышанного едва ли половину, но одно понял точно: они не передумали. Они просто перестали говорить об этом вслух. Взрослые в такие минуты кричат. Эти двое замолчали — и от их молчания в комнате стало ещё холоднее.

Одно он слышал так ясно, будто это прокричали ему в самое ухо: «Лео — рот. Рты болтают». Он лежал и изо всех сил старался показать, что никакого рта у него нет. И ушей нет. И самого его, может быть, тоже нет.

«Я никому. Я же никому. Я никогда никому», — повторял он про себя, как считалку. Считалка не помогала.

Он попробовал подумать про цветок. Он же видел... что-то видел. Чёрное. Рассыпалось. Надо было вспомнить, надо было кому-нибудь сказать — но мысль не держалась в голове, как вода в горсти. Он тянулся к ней — а она обрывалась, как гнилая нитка, и взгляд сам собой съезжал в сторону — туда, где, привалившись к стене, сидел Ирвуд и не мигая смотрел на дверь. Про Ирвуда думалось легко. Про Ирвуда думалось само.

Лео натянул одеяло до самых глаз.

Страх был огромный — больше Лео, больше комнаты. Не надзирателей с их ивовыми прутьями он боялся, не Главного Смотрителя с его блёклыми глазами, не смерти, которая сегодня побывала в приюте. Из всего, что случилось этим страшным утром, — из смерти, телеги, инея и чёрного праха — страшнее всего был он: молчащий мальчик у стены, который сторожит дверь. Откуда этот страх такой — Лео не знал. Он просто боялся его больше всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.